

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 1

doi: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-2-9

ЭСТЕТИКА УРБАНИЗМА: КОНТУРЫ НОВОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© *Виктория Ивановна Барвенко*

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

777vikb@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются онтологические, семантические, экзистенциальные и коммуникативные грани уникальной эстетики современного урбанизма. Формирующиеся в процессе развития городского типа культуры в ситуации постмодерна контуры субъекта сетевого взаимодействия не тождественны описанию отношения внешнего восприятия. Анализируется влияние городской жизненной среды на аккумуляцию творческого потенциала личности, вовлеченной в сетевые структуры. Отмечается, что роль цифровых технологий оказывается в данном случае чрезвычайно высока: существенно сокращается дистанция между участниками интерактивного взаимодействия. Ключевые концепты, востребованные в ходе исследования онтологической составляющей урбанистической эстетики, опираются на феноменологическую традицию исследования опыта сознания, культуры и практики формообразования, а также на предложенное в постструктуралистской философии разграничение текста и произведения, перформативных и дескриптивных типов высказываний.

Ключевые слова: присутствие, событие, текст, аффирмация, перформативность, автореференция, урбанизм, коммуникация, постмодерн.

Для цитирования: Барвенко В.И. Эстетика урбанизма: контуры новой антропологической реальности // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 103. № 2. С. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-2-9

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The aesthetics of urbanism: contours of a new anthropological reality

© *Victoria I. Barvenko*

¹Southern federal university, Rostov-on-Don, Russian Federation

777vikb@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of ontological, semantic, existential and communicative facets of the unique aesthetics of modern urbanism. The contours of the subject of network interaction formed in the process of development of the urban type of culture in the situation of postmodernity are not identical to the description of the attitude of external perception. It is necessary to analyze the influence of urban living environment on the accumulation of the creative potential of an individual involved in network structures. The role of digital technologies in this case is extremely high: the distance between the participants of interactive interaction is significantly reduced. The key concepts demanded in the course of the study of the ontological component of urban aesthetics are based on the phenomenological tradition of the study of the experience of consciousness, culture and the practice of form formation, as well as on the distinction between text and work, performative and descriptive types of statements proposed in poststructuralist philosophy.

Key words: presence, event, text, affirmation, performativity, autoreference, urbanism, communication, postmodern.

For citation: Barvenko V.I. The aesthetics of urbanism: contours of a new anthropological reality. *The Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 103. No 2. P. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2024-103-2-2-9

Введение

Культурная ситуация современного города очень емко отражает не только поверхностные социально-политические, экономические, этнолингвистические и научно-технологические процессы современной цивилизации. Город, урбанизированное коммуникативное пространство, как единый культурный организм, есть способ манифестации совершенно новой

онтологической ситуации личности и самого общества в целом. Представляется проблемной в поле философской рефлексии ее оценка исключительно в тех координатах культурно-антропологического процесса, которые предлагает постмодернистский вектор научного мышления. Реалии информационного сетевого пространства, которое постепенно поглощает жизненный мир современных городов, таковы, что приравнивать ситуацию человека и его мышления к тем процессам, которые характеризовали собой минувшее столетие, без специальных оговорок вряд ли возможно.

В предлагаемой статье проблема самоопределения современной урбанистической культуры рассматривается сквозь призму ситуации «пост» – также и по отношению к постмодерну, оптика философского дискурса которого в последние десятилетия, особенно с учетом нарастания противоречий цивилизационного характера во всем мире, уже не может претендовать на монопольное владение методами социальной и культурной диагностики. Философская оценка урбанистической составляющей глобальных процессов предполагает концептуализацию понимания того, каким образом эстетика современного города, его хронос и топос, конституирует онтологическое приращение антропологической реальности.

Обсуждение

Традиционные оценки процессов урбанизации исходят из тех преимуществ и тех противоречий, которые сопровождают рост городов, удельного веса городского населения и городского «способа производства» (экономика сервиса), городского образа жизни в общем культурном контексте и потоке эпохи модерна и постмодерна, глобализации и деглобализации. Что стало особенно актуально в последние десятилетия с учетом нарастающих конфликтных ситуаций между центрами глобального влияния и теми регионами планеты, которые изначально выступали в роли источника ресурсов. При этом их пересечение с меняющимся вектором онтологической мысли пока представлено лишь одним аспектом – а именно рецепцией бытийной неопределенности и полицентричности, которые в городском социальном опыте и хронотопе становятся зримыми для обывателя – рядового представителя современной массовой культуры и общества символического потребления.

С точки зрения методологического обоснования урбанистики в поле современного социально-гуманитарного дискурса наиболее приемлемым трендом актуальной онтологической мысли выступает синергетическая парадигма. В ее рамках город как пример сложной саморазвивающейся системы рассматривается в качестве стохастической реальности. Кривая ее динамики не зависит от влияния какого-то одного, пусть и очень важного, фактора. При этом большую роль отводят, как правило, развитию цифровых технологий, способствующих увеличению возможностей сетевого типа интеракции. Практически любой современный крупный мегаполис уже нельзя представить без развитой инфраструктуры виртуальной коммуникации. Набирающие популярность так называемые «экосистемы» выступают уникальной новейшей формой адаптации менталитета и психологии, прежде всего, молодежи как наиболее активной части городского населения, к усложняющимся и ужесточающимся правилам рынка услуг, в котором основным капиталом становится информация.

Вместе с тем необходимо объективно оценивать возможности синергетической парадигмы в исследовании экзистенциально-онтологических процессов, сопровождающих трансформации урбанистического хронотопа как выражения опыта сознания и идентификации субъекта. Синергетика позволяет описывать и прогнозировать траекторию развития сложных систем. Город как определенный продукт культурно-исторического эволюционирования, несомненно, также является сложной системой, локализованной в пространстве и во времени [6, с. 284]. Однако те фундаментальные процессы, которые сегодня запущены новой волной технологической революции, качественно не сводятся к процессам саморазвития и самоорганизации городской системы. Сетевое взаимодействие, опирающееся на новейшие цифровые технологии, многократно множит и кратно усиливает воспроизведение ситуации *встречи* – ключевого с онтологической точки зрения сцепления индивидов в едином коммуникативном, обменном, производственном процессе. Данный количественный рост уже давно

преодолеет собственный предел, и мы наблюдаем картину качественной метаморфозы. А именно: встреча и перекресток в урбанизированном пространстве современной многоликой цивилизации не просто стали частью индивидуального опыта наряду с иными лакунами повседневного опыта, они преобразовали онтологическую позицию личности (отдельного «я») в отношении к потенциально бесконечному множеству других таких же «я».

Именно урбанизированная жизненная среда способствует аккумуляции творческих ресурсов в жизни социума. Качественно меняется сама стратегия такого креативного поведения: вместо свойственной классической культуре и модерну дихотомии «истина – ложь» (или «знание сущности» – «мнение») приоритет теперь принадлежит открытию разнообразия как в эпистемологическом смысле слова, так и в онтологическом. Городское пространство создает максимально комфортные условия для подобного смещения координат в целеполагании на коллективном и частном уровнях. Сегодня впервые в истории, по меньшей мере, западной и отечественной культуры, сама *улица* обрела весомый культурный, семантический и онтологический статус. Потенциал улицы и уличного акционизма продолжает расти. Равно как и культурный потенциал *тела*. На улицах современных городов сталкиваются мириады тел. Именно тело – феноменологически первичный опыт соотнесения индивида с самим собой в этом глобализирующемся коммуникативном пространстве [9, с. 107-109].

Жизнь индивида в таком пространстве принципиально открыта и представляет собой бесконечную смену встреч. Можно уверенно говорить о том, что феноменология городского образа жизни – это феноменология *события встречи*. Причем, что следует подчеркнуть отдельно, такая онтологическая открытость личностного существования хорошо вписывается в проект неолиберального политического устройства, который в текущем столетии стал активно пропагандироваться вступившими в полосу кризиса традиционными акторами глобального социально-экономического и политического влияния [11, с. 82].

Возможность неограниченных встреч, ситуация перекрестка, событийность и другие грани коммуникативного сетевого взаимодействия публично оцениваются и манифестируются как явное преимущество и достижение подобного урбанизированного варианта общественного развития. С этим связана высокая степень эстетизации городского пространства, популярность таких современных видов искусства как перформансы, коллажи и инсталляции [7]. «Событие перформанса – каждый раз уникальное – стремится воссоздать форму интеракции, то есть форму, позволяющую участникам производить свое присутствие, выдвигаться в жизненные миры друг друга. Перформанс стремится актуализировать по возможности все аспекты, которые могут способствовать производству присутствия (взаимодействие, выход за пределы уровня значения, акцент на телесности и т.п.), он словно собирает присутствие по кусочкам» [12, с. 162].

Как отмечал У. Эко, современное произведение искусства характеризуется «открытостью», которая означает ориентированность не на цельность сюжета (сюжет «разрушается»), а на возможность «повествовательного выбора», который тем самым через эстетическую форму отмыкает дверь в царство возможного [15, с. 249]. В качестве самоочевидной ценности рассматривается наличие условий для реализации абсолютно любого экзистенциального проекта и приближение любого смыслового горизонта. Очень характерно в этой связи высказывается известный американский социальный мыслитель нашего времени Ричард Флорида, известный, прежде всего, разработкой концепции «креативного класса». «Разнообразие также подразумевает “интерес” и “энергию”. Креативно настроенные люди получают удовольствие от самых разных влияний. ...Привлекательный город не обязательно должен быть большим, однако он должен быть ...таким, где каждый может найти группу людей с похожими интересами и подходящие стимулы; место, где интенсивно взаимодействуют культуры и идеи; место, где посторонний быстро становится своим» [14, с. 252-253].

Понятно, что такая «привлекательность» становится едва ли не основным аргументом в руках той части общества, которая собственную идентичность формирует по основанию избирательного отношения к возможности открытого доступа к источникам информации.

Современное урбанизированное коммуникативное пространство отнюдь не лишено элитарного измерения и элитарной социальной прослойки. Известные шведские авторы А. Бард и Я. Зотерквист предложили концепт «*Нетократия*» как раз для обозначения нового привилегированного общественного «класса», который будет играть доминирующую роль в формирующейся цифровой цивилизации [2]. Основным ресурсом такой элитной страты является не капитал и не власть в привычном смысле слова. Идентификация (как опыт самосоотнесения) Сети опирается на ресурс «*экссклюзивности*» [2, с. 122] – практику *индивидуального* владения информацией, которое и генерирует всякий раз *новое*. Именно новизна, новое, обновление отныне выступают ведущей ценностью урбанизированного социума. Именно новое составляет исходный пункт своеобразной антропологии субъекта информационного общества – *пользователя* Сети. С политической точки зрения такая элитарность (как определенный тип самоидентификации) оказывается очень эффективным и выгодным инструментом укрепления глобального влияния тех или иных групп или сил. Не случайно поэтому то, что открытость информационных ресурсов сегодня становится явной проблемой для традиционной власти в тех регионах, которые сопротивляются укреплению такого влияния.

С культурологической же точки зрения мы становимся свидетелями формирования новой стратегии самосознания общества. В этой стратегии считывается претензия на смену фундаментальной парадигмы ценности *знания как такового*. Которая оставалась фактически базовой и для классической рациональности Нового времени, и для модернистского образа ветвящегося «древа» науки и коммуникации. Если итогом развития метафизики и классической рациональности в XIX в. стали спекулятивные системы немецкой философии, в которых акцент делался на опыте самосознания «Абсолюта», получившего интерпретацию на уровне политической или национальной *идеологии, народной культуры*, а итогом модернистской критики такой идеологии стал феномен постмодерна как философского и культурного обнажения всех дискурсивных практик (научных и политических в первую очередь), то в начале Третьего тысячелетия можно сформулировать следующий вопрос.

Не является ли открытость информационных источников и элитизация соответствующего типа поведения и коммуникации новым вариантом (по отношению к классике и модерну) предела самосознания личности и общества (некой границы, составляющей «точку» возврата мышления субъекта к собственной форме, методу, векторности, горизонтности)? Таким пределом, который окажется в состоянии демонтировать устойчивые онтологические и познавательные (когнитивные, коммуникативные) основания всех ключевых исторически сложившихся дискурсов – политического (ориентированного на сохранение институтов публичной власти, государства и пр.), культурно-образовательного, этнолингвистического и гендерного, экономического в его привязке к производственным процессам и др.

Иными словами, не превращается ли современное урбанизированное жизненное пространство в такую антропологическую реальность, контуры идентичности которой не совпадают ни с одной известной ранее платформой. Собирательный феномен коммуникативной рациональности, о которой писал тот же Ю. Хабермас в своей характеристике философского самосознания модерна и становления постмодерна [13], ныне переживает, вероятно, самую глубокую перестройку. *Опыт присутствия* как ключевая онтологическая ситуация индивида (индивидов), пребывающего внутри сетевых урбанизированных структур, образует совершенно новую стратегию коллективного разума, коммуникации, аффирмации (как опыта самоутверждения субъективности). Если традиционная культура опиралась на метафизические и религиозные ориентиры, если модерн знаменовал собой наступление «царства свободы» и всеобщего «философского» (научного) разума, то информационное общество, глобальные Сети, формируют новый антропологический (экзистенциальный, онтологический, семиотический) ландшафт: *в обновляющемся урбанизированном цифровом сетевом универсуме исчезает (практически уже исчез) Другой*.

Как известно, для всей новейшей европейской философии, начиная с феноменологической школы, именно тема Другого была ключевым индикатором, отграничивающим поиск

новых аргументов философского взгляда на Бытие, на культуру и Человека от прежних метафизических и модернистских усилий обосновать абсолютную самотождественность Субъекта, приравненного к чистым формам мышления или чувственности [10]. Во французском постструктурализме второй половины XX в. Другой фигурировал практически в каждом тексте. Именно Другой позволял замыкать логический круг обоснования важнейшего постмодернистского тезиса о том, что сама культура есть *Текст*. Потому как только он самый – Другой – мог стать необходимым звеном в автореференции такого текста, его «читателем», включенным в поле выражения собственных смысловых структур.

Читатель классического европейского романа, например, эпохи барокко или рококо, романтизма или реализма, и тот читатель, о котором писали постмодернистские авторы (например, Р. Барт, Ж. Делёз и др.), – совершенно разные фигуры. Нынешняя же ситуация присутствия в едином урбанизированном сетевом пространстве лишает Другого (равно как и его Иного) всякого онтологического содержания и смысла. Опыт присутствия устраняет Читателя текста. Сам текст или культура как текст (если оставаться на уровне предложенной тем же Бартом дифференциации текста и произведения [2, с. 415]) остаются перфоративными акциями. Но перформативность такого текста Сети, текста Перекрестка, атектонична. Урбанизированная культура как текст в Сети обретается как своя собственная *превращенная форма*.

В такой форме отсутствует столь необходимая и востребованная модерном для установления и закрепления (аффирмации) границы Другого диалектика отрицания. Опыт выражения смысла, лежащий в основе любого произведения, в сетевой структуре подменяется смыслом выражения. И если в классическом тексте (а мы вспомним рассуждение Р. Барта: французский автор именно в классическом языке, литературе, коммуникации видел различие перформативных и дескриптивных высказываний [2, с. 385–386]) смысл выражения был тождественен выражению смысла, поскольку сам опыт выражения всегда носил *единично* явленный (количественно ограниченный) характер и между носителем такого выражения и его результатом не могло возникнуть отчуждения, то в коммуникативном сетевом пространстве, в семиотическом поле высокоурбанизированного типа, произошла утрата границ единичного выражения. На что совершенно справедливо указывает современный российский философ-антрополог Ф. Гиренок, характеризуя трансформацию субъекта в ситуации информационной свободы сетевого типа: «Симуляция превращает виртуальность в способ своего существования. Потому что виртуальная реальность вытесняет реальность самого по себе, того, что существует до рассказа о реальности. Виртуальная реальность, потеряв связь с дословным, неосуществимым, предстает теперь как эффект коммуникативных технологий, как превращенная форма» [5, с. 27].

Современная социокультурная среда «...таит в себе большое количество ментальных провокаций, “встреча” с которыми проходит безболезненно только для представителей немногочисленной группы с высоким уровнем коммуникативных навыков» [1, с. 37]. В урбанизированном информационном пространстве значительно снижен риск культурного (в том числе психологического, общительного, ценностного) травмирования или, напротив, обретения, расширения (что тоже может повлечь деструкцию первичной структуры индивидуального опыта, идентичности и самосознания). Главенствующим форматом интеракции становится архитектоника «*как бы*». Следовательно, оказывающиеся в широком свободном доступе возможные вариации представления субъекта себе и другим в ситуациях сетевых контактов оказываются в конечном счете несоизмеримы с фактическими результатами (экономическими, политическими, творческими) овладения присутствующих участников «умной» среды универсализированного городского перекрестка. Говоря метафорически, «*я могу*» оказывается онтологически ценнее и истиннее, нежели «*я есть*» или даже «*я хочу*».

Возникает закономерный вопрос в поле философско-культурологической и философско-антропологической рефлексии: является ли такое пересечение урбанистической и онтологической проблематики исчерпывающим? Особенно если учесть тот неоспоримый факт, что в урбанизированном социокультурном опыте все большую роль занимает эстетика визу-

альных форм, чувственности, сетевого цифрового взаимодействия и т.д. Которая, в свою очередь, накладывается на трансформационные процессы в области ценностно-смыслового измерения личностной стратегии индивида. Город рассматривается чаще как тот самый виток социальной эволюции, который прямо детерминирует кризис традиционного типа общественной регуляции, связанного с идеократическими или патриархальными доминантами. К числу основных из которых относится, например, семья (если говорить о коммуникативной и экзистенциальной стратегиях индивида) и ценность коллективного «мы».

Дискурс кризиса традиционного (патриархального) уклада жизни, связанного с аграрным хозяйством, на сегодняшний день, однако, не исчерпывает собой изменение контуров антропологической реальности, детерминированное процессами урбанизации. Освобождение индивида от пут метафизического и социального фундаментализма и иерархического нормативизма (господствовавших в классической культуре «старого порядка»), с одной стороны, и развитие массового индустриального, затем, постиндустриального производства, возникновение нового типа публичной коммуникации, опирающегося именно на достижения науки, новейшие технологии, с другой, еще не составляет полный перечень того онтологического переустройства культуры, который образует новую реальность *человека-городского*.

Современный быстро развивающийся город – это не только и не столько *место* бытия человека. Как определенный пространственный (морфологический, конфигуративный) опыт, город сегодня является самой настоящей *атектоничной архитектурой онто-антропологии*. Архитектура в данном случае – это не столько метафора, сколько определённый постмодернистский концепт, помогающий идентифицировать новые антропологические профили урбанистического типа. Если для населенных пунктов прошлого была характерна статичная связанность, равно как и внутри старых городов господствовали отдельные центры, между которыми выстраивались определённые отношения, то современный мегаполис опирается в своем развитии на динамику и изменения в первую очередь этих отношений. Они становятся первичными и соответственно реальность «я» в этой городской ситуативности оказывается принципиально открытой. Задача философского осмысления данной реальности состоит как раз в том, чтобы понять, каким образом урбанистический контекст изменения онтологической стратегии индивида (субъекта) становится его непосредственным *текстом* [4]. Иными словами, важно понять, каким образом способы выражения смыслов, открываемых благодаря технологическому вооружению городской коммуникации сетевого типа, сами становятся концептами и конституентами этих смыслов.

С данным вопросом непосредственно связан такой аспект современной городской культуры как креативная составляющая визуальных эффектов организации, структуризации жизненного пространства внутри городской черты. Определенная городская эстетика образует совершенно особый семиотический код всей современной культуры, и является печатью времени постмодерна. Более того, данный урбанизированный семиозис сам является конечной инстанцией означивания, смыслополагания, то есть сам формирует парадигмальные различия, внутри которых можно выстраивать ту или иную онтологическую модель. Не трудно заметить, что такой текст городской культуры, подобно тексту любого художника, является подобием результата продуктивного воображения, творческого усилия автора.

Заключение

Постмодерн как культурная ситуация характеризуется возрастанием роли городского хронотопа в жизни общества. Город сегодня является не просто местом жительства, но и образом, способом выстраивания коммуникативной личностной стратегии, идентичности и полагания пределов самосознания. С точки зрения трансформации антропологической реальности городское пространство есть опыт присутствия, в основе которого лежит событие встречи. Было бы неверно трактовать вектор данной трансформации как выражение «идеологии беспочвенности», как пустое отрицание классической культуры и соответствующих смысловых и ценностных текстов. Сам город и сетевой тип коммуникации, связанный в том числе с развитием информационных технологий, заложили основы принципиально нового «метанар-

ратива», особого глобализированного дискурса, главной особенностью которого является эстетизация. Различие коммуницирующих индивидов в этом дискурсе определяется как перформативная структура, включающая в себя собственную референцию.

Вопрос, остающийся и сегодня открытым, – можно ли такой культурный текст рассматривать как утрату Другого, или же есть основания предполагать обретение им Иного лица. В урбанизированном тексте «я» выражает через собственное наличное бытие как присутствие множество мест этого самого города. Данный процесс выражения есть одновременно конституирование аффирмативной целостности сетевого (перекрестного) типа. Восприятие такой городской эстетики участником интеракции по своему значению и статусу равно опыту онтологического самоутверждения. В данном опыте хронотопически вовлеченного переживания урбанизированная среда самоопределяется не просто как *место постановки (встречи)*, но и как *постановка (встреча) места*. Перформативные арт-акции есть проговариваемый рассказ, *сказывающаяся о себе история чистого опыта выражения* (наличия, присутствия). Городское пространство полагает тождественность каждого индивида через *являющиеся события-ситуации-встречи*.

Список источников

1. *Адамьянц Т.З.* Заблудившиеся в социокультурной среде // Человек. 2014. № 3. С. 34–41.
2. *Бард А., Зодерквист Я.* Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма / Пер. с англ. В. Мишучкова. Изд. 2-е, испр. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
3. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с франц., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
4. *Викери Дж.* Визуальная антропология: городские карты памяти / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПИ, 2009. С. 205–234.
5. *Гиренок Ф.* Фигуры и складки. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2014. 244 с.
6. *Глазычев В.Л.* Город без границ. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 400 с.
7. *Голдберг Р.* Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. М., 2015. 320 с.
8. *Докучаев И.И.* Глобальный перформанс: контуры культуры XXI в. // Вопросы культурологии. 2012. № 11. С. 4–10.
9. *Линднер Р.* Текстура, воображаемое, габитус: ключевые понятия культурного анализа в урбанистике // Собственная логика городов: Новые подходы в урбанистике / Под отв. ред. Х. Беркинга и М. Лёв. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 105–111.
10. *Лишаев С.А.* Эстетика Другого: эстетическое расположение и деятельность. СПб.: Алетейя, 2012. 256 с.
11. *Романов А.А., Романова Л.А.* Перформативный дискурс в парадигме социального конструкционизма // Культура как текст. Вып. 7. М.: Институт языкознания РАН, 2007. С. 81–96.
12. *Рыбаков В.В.* Перформанс как способ проблематизации присутствия // Международный научно-исследовательский журнал. № 11 (53). Ч. 1. Ноябрь. С. 159–163.
13. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Пер. с нем. 2-е изд. испр. М.: Изд-во «Весь мир», 2008. 416 с.
14. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
15. *Эко У.* Открытое произведение / Пер. с итал. А. П. Шурбелева. СПб.: Симпозиум, 2006. 412 с.

References

16. *Adamyants T.Z.* Lost in the sociocultural environment // *Man*. 2014. No. 3. P. 34–41.
17. *Bard A., Zoderquist J.* Netocracy: the new ruling elite and life after capitalism / Translated from English by V. Mishuchkov. 2nd edition, revised. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 252 p.
18. *Barthes R.* Selected Works: Semiotics: Poetics / Transl. from Fr. G.K. Kosikov. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
19. *Vickery J.* Visual anthropology: urban maps of memory / Edited by P. Romanov, E. Yarskaya-Smirnova. Moscow: Variant, TsSGPI, 2009. P. 205–234.
20. *Girenok F.* Figures and folds. 2nd ed. M.: Academic Project, 2014. 244 p.
21. *Glazychev V.L.* City without borders. Moscow: Publishing House “Territory of the Future”, 2011. 400 p.
22. *Goldberg R.* The Art of Performance. From Futurism to the present day. M., 2015. 320 p.
23. *Dokuchaev I.I.* Global performance: the contours of culture of the XXI century // *Voprosy kulturologii*. 2012. No. 11. P. 4–10.
24. *Lindner R.* Texture, Imaginary, Habitus: Key Concepts of Cultural Analysis in Urbanism // *The Own Logic of Cities: New Approaches in Urbanism* / Ed. by H. Berking and M. Löw. Moscow: New Literary Review, 2017. P. 105–111.
25. *Lishaev S.A.* Aesthetics of the Other: aesthetic location and activity. SPb.: Aleteia, 2012. 256 p.
26. *Romanov A.A., Romanova L.A.* Performative discourse in the paradigm of social constructionism // *Culture as text*. Vol. 7. M.: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2007. P. 81–96.
27. *Rybakov V.V.* Performance as a way of problematizing presence // *International Research Journal*. No. 11 (53). Part 1. November. P. 159–163.
28. *Habermas J.* Philosophical Discourse on Modernity. Twelve lectures. 2nd ed. revised. Moscow: All World Publishing House, 2008. 416 p.
29. *Florida R.* Creative class: people who change the future / Per. from Engl. M.: Publishing House “Classics-XXI”, 2007. 421 p.
30. *Eco U.* Open work / Per. from it. A.P. Shurbelev. SPb.: Symposium, 2006. 412 p.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 18.02.2024; принята к публикации 20.02.2024.

The article was submitted 22.01.2024; approved after reviewing 18.02.2024; accepted for publication 20.02.2024.